

АЙЛИН
ГРИН

*Боль прошлого
не сравнится
с жаром
настоящего.*

ЧУВСТВА
ВНЕ
ЗАКОНА

18+

Айлин Грин

Чувства вне закона

<https://litres.ru/73850334>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она больше не верит мужчинам — после того как один из них лишил её права чувствовать себя живой.

Он вынужден защищать преступников — тех, чьи поступки противоречат морали.

Когда их пути пересекаются, между ними вспыхивает чувство, которое не подчиняется ни закону, ни логике, ни боли.

Потому что любовь не спрашивает разрешения — она врывается без спроса.

Даже если весь мир говорит: «Нельзя».

Содержание

Чувства вне закона	4
Пролог	4
ГЛАВА 1. Джеймс Ривз	8
ГЛАВА 2. Аврора Харт	17
ГЛАВА 3. Аврора Харт	25
ГЛАВА 4. Джеймс Ривз	34
ГЛАВА 5. Аврора Харт	43
ГЛАВА 6. Джеймс Ривз	51
ГЛАВА 7. Аврора Харт	58
ГЛАВА 8. Джеймс Ривз	66
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Айлин Грин

Чувства вне закона

Чувства вне закона

Пролог

20 октября

Я никогда не любила тишину. Мне нравилась моя яркая жизнь – общение с друзьями, встречи и походы в кино, шумные бары. Я была сердцем и душой компании.

Мне было легко. Я жила, не зная никаких проблем и забот.

А ещё я была помолвлена. Мы встречались несколько лет прежде, чем я услышала заветное: «*Ты выйдешь за меня?*». А после решительного «да» я поняла, что настоящее счастье – это быть любимой. Улыбаться каждое утро одному человеку – тому самому, которому ты отдала всё. Тому самому, кто нашёл твои глаза в яркой толпе огней.

Мы планировали пожениться и уехать куда-нибудь отдохнуть – океан, свобода и только мы вдвоём. Подготовка занимала много времени, но свадьбу хотелось сделать идеальной.

В тот день... День, который разделил мою жизнь на «до» и «после» шёл сильный дождь. Я задерживалась на работе –

нужно было завершить проект к выставке, которая должна была вот-вот состояться.

Дождь барабанил по стеклам, мешая сосредоточиться. Мы битый час пытались оформить плакаты, которые не вписывались в общий антураж. Спорили и шутили.

– Аврора! – крикнул Томас из другого угла нашего офиса. – Ты на часы смотрела? Завтра собрание, и оно рано. Может быть, пора заканчивать и по домам?

– Согласна с твоим предложением, – улыбнулась я. – Мы как раз заканчиваем.

– Тебя подвезти? Там такой ливень. Или тебя заберут?

– Джулиан сказал, что подъедет, а дождь я люблю всем сердцем, ты же знаешь! Готова идти пешком сквозь лужи и стены воды!

– Как можно любить дождь? – закатила глаза Анна – моя помощница. Девчонка с идеально уложенными локонами, наращёнными ресницами и явно уже не единожды сделанной пластикой. – Вся причёска испортится!

Я рассмеялась. Моим от природы непослушным волосам вода не мешала – наоборот, добавляла шарма образу. Раньше я старательно вытягивала каждую прядь волос, стараясь сделать так, чтобы причёска выглядела аккуратной и приглаженной. А сейчас... Мне нравилась непокорность моего образа. И какая разница, что с волосами сделает дождь? Какое мне вообще дело до волос, если я люблю и любима?

– В дожде есть что-то очень романтическое, – задумчиво

произнесла я. – Мне нравится смотреть на него из окна. Слушать его шум. Пить кофе и мечтать...

– Вот именно, Аврора! Из окна! А не стоять под этим водопадом в мокрых трусах.

Я снова засмеялась, схватив сумку и пальто.

– Увидимся завтра! – улыбнулась я коллегам и вышла на улицу.

Посмотрела на часы – Джулиан должен был быть уже тут. Я набрала его номер, но, прождав несколько гудков, отключила звонок. Странно, куда он делся? Попробовала ещё раз – безуспешно. К дождю прибавился ветер, становилось по-настоящему холодно. Нужно было вызвать такси.

Или дойти пешком.

Ошибка.

Ошибка, которая лишила меня всего.

Всего лишь одна кнопка вызова такси.

Всего лишь одно решение.

А спустя час кровь на асфальте, разбитая жизнь и загубленное будущее.

Спустя несколько часов – истерика и уколы успокоительного.

Спустя сутки – разрыв помолвки.

Спустя ещё сутки – друзья перестали отвечать на звонки.

Осталась лишь тишина.

И в этой тишине я.

Сломленная, пережившая насилие. Разбитая. Но всё ещё

живая.

Аврора Харт.

ГЛАВА 1. Джеймс Ривз

25 октября

Бумаги, бумаги, бумаги. Казалось, что меня окружает одна лишь макулатура, но каждый лист и каждая строчка, написанная на них, это чья-то жизнь. Или чья-то смерть. Тут уж как повезёт.

Сегодня я помогал отцу разгрести эту кучу бумаг, потому что у него было срочное собрание. А я терпеть не мог помогать отцу! Его работа казалась мне скучной – защищать пострадавших, копаться во всех их проблемах и трагедиях. Я даже поёжился при мыслях об этой рутине.

– Джесси, красавчик, что ты тут делаешь? – раздался до боли знакомый голос слева от меня.

Миранда – помощница отца. Высокая голубоглазая блондинка. Классика. Она считала своим долгом каждый раз, как завидит меня, начинать вести себя так, будто я – объект её воздыханий. Несмотря на разницу в возрасте, она бросала на меня томные взгляды, искала во мне потенциального партнёра и невыносимо раздражала.

– Ещё раз назовёшь меня этим прозвищем... – предупредительным тоном начал я. – Ты по делу или просто хочешь намозолить мне глаза?

– Думала составить тебе компанию, – надула она губки, явно данные ей не природой.

– Спасибо, я предпочитаю работать в тишине, – вежливо отозвался я и вновь бросил взгляд на бумаги. Стопка неразобранных дел уменьшалась, но по-прежнему выглядела весьма внушительно.

– А что подвигло тебя снизить до нас, смертных? – не унималась она. – Я думала, ты опять увиваешься за очередной юбкой...

Я вздохнул и медленно досчитал до десяти.

– Я работаю, Миранда. А юбки, за которыми я, как ты выразилась, увиваюсь, в настоящий момент меня не интересуют.

– Неужели? – хмыкнула она, присаживаясь рядом. – Наконец, нашёл ту самую?

– Это не твоё дело, – сухо бросил я. – В любом случае твоя юбка меня не интересует. Даже если ты её снимешь.

Хотя было бы что снимать... Я подумал о том, что надо бы поговорить с отцом. Пора искать другую помощницу – эта явно больше подходит для эскорта, а не для офиса прокурора.

Миранда обиженно пробурчала что-то в ответ, и (слава богу!) всё же ушла, оставив меня одного.

Я достал из кармана наушники и, включив музыку погромче, уткнулся в документы. Отец просил рассортировать их по степени тяжести преступления, ему нужно было найти какие-то факты. А я сегодня был свободен, и, хоть и не горел желанием погружаться в его работу, отказать всё же не смог.

Хотя сейчас уже пожалел о том, что согласился.

Кто-то коснулся моего плеча, и я медленно повернулся, надеясь, что это не Миранда вернулась, чтобы вновь предложить мне свою компанию. Но нет. Облегченно вытащив наушник, я поздоровался.

– Джеймс Ривз, верно? – прищурился мужчина. – Давно вас не видел в наших краях. – Меня зовут Алекс, вы, наверное, меня не помните. Мы с вашим отцом раньше работали вместе, пока меня не перевели в другой отдел.

Я снова начинал злиться. Ну работали они вместе с отцом, что дальше? Вот почему я не любил это место. Оно было слишком шумным, не давало сосредоточиться. Каждый считал своим долгом подойти, пообщаться, сообщить о том, что динозавры вымерли тысячи лет назад...

– Здравствуйте, – протянул я руку. – Нет, к сожалению, я вас не помню. Полагаю, вы к отцу? Он на совещании.

– Да, я в курсе, но не могу тут задерживаться. Мне передали дело одной девушки, которой нужна помощь, но, к сожалению, это не в моей компетенции. Думаю, вашего отца оно заинтересует. Сможете передать ему документы?

– Без вопросов, – я взял папку из его рук, отложив в сторону без интереса.

– Вы даже не посмотрите, что в ней?

Я прищурился. Он проверяет меня или чего-то пытается добиться? Или у них в прокуратуре отсутствует такое понятие, как этика?

Да, порой отец делился со мной интересными делами – с профессиональной точки зрения работа прокурора была мне интересна. Хотя и была диаметрально противоположной той, что делаю я. Но влезать в чужие папки...

– А что в ней может быть? – бросил я равнодушно. – Очередное дело всей его жизни? Я передам, что ты заходил. Спасибо.

Отвернувшись, я снова надел наушник. Но теперь эта папка мозолила мне глаза. Притягивала взгляд, призывая открыть и посмотреть, что же за дело принесли моему отцу. Обычно любой, кто обращался к нему за помощью, сначала получал согласие... А тут... Алекс уверен, что отец возьмётся за дело. Почему?

Чёрт! Да плевать на этику. Я же не буду вдаваться в подробности.

Я взял папку и бегло пробежался глазами по данным. По телу тут же прошлась дрожь.

Молодая девушка, двадцать семь лет, возвращалась домой после работы. Подверглась насилию. Преступник не найден, свидетелей нет.

Я быстро убрал листок обратно и отодвинул папку от себя так, будто она была проклята. Честно говоря, мне стало неуютно. Что за животное способно так поступить с женщиной? Я не считал себя образцом для подражания – порой я был грубоват, мог уйти без предупреждения, не подарить цветы на день рождения... Но сделать что-либо против со-

гласия! Особенно такое. Это было за гранью моего понимания. Что у человека в голове? Вокруг столько доступного секса, а он идёт на преступление, оставляя человека без права выбора. Без будущего.

Будущее... Может ли быть нормальное будущее у этой девушки? Ей всего двадцать семь. Сможет ли она оправиться?

– Джеймс! – я выронил ручку из рук. Третий раз за час кому-то что-то от меня надо. – Ты до сих пор не разобрался?

Чёрт! Отец уже вернулся с собрания, а я так глубоко окунулся в размышления, что совершенно отвлёкся от того, что делал.

– Я вообще не понимаю, как тут можно что-то разобрать, – буркнул я, вставая. – Твои коллеги шастают туда-сюда и отвлекают меня от дел. Но основную часть я сделал. Стопка слева осталась нетронутой, но думаю, ты справишься с ней быстро. А ещё, – я взглядом указал на папку, – некий Алекс передал тебе дело. Сказал, что тебе снова нужно побыть супергероем.

– Ты можешь быть взрослым хотя бы, когда общаешься со мной?

– Могу, – кивнул я. – Но не сегодня. Всё, я свободен? Меня ждут.

– Ждут? – отец внимательно посмотрел на меня. – Опять твои друзья?

– Оставь моих друзей в покое, – устало попросил я. – Тот факт, что они тебе не нравятся, не означает, что они плохие.

– Ну да, – согласился отец. – А если и плохие, то у них есть хороший адвокат.

– Мне не позволит этика, – повёл я плечом. – И ты утрируешь. До вечера!

Отец махнул рукой, а я вышел на воздух. На улице было холодно и сыро – дождь не прекращался уже больше недели. Я прыгнул в машину и включил музыку, выворачивая громкость на полную мощь.

** ** *

– Джеймс! – едва я переступил порог клуба, как меня тут же окружили мои друзья. – Ну наконец-то! Мы уж решили, что ты передумал и засел дома за просмотром очередного триллера.

– Когда же я в последний раз сидел дома? – улыбнулся я, приобнимая за талию Виолетту – огонёк нашей компании. – Разве я мог пропустить очередную тусовку и веселье?

– Узнаю тебя, Ривз! – хлопнул меня по плечу Кайл. – Виски со льдом на шестой столик! – громко обратился он к официанту, пытаясь перекричать музыку, заглушающую всё вокруг.

Я думал, что приехал в клуб, чтобы побыть со своими друзьями, которые постоянно казались отцу легкомысленными, пустыми и слишком отвязными. Возможно, так оно и было. Раньше я не задумывался о том, как выглядит их поведение в

глазах других. Но сегодня... Странно, но перед глазами возникла та дурацкая папка, которую передали отцу. Дело об изнасиловании. С чего бы мне об этом задумываться? Это же не я был!

Я бросал взгляды на Виолетту, чувствуя, как внутри что-то ломается – раньше её движения казались мне соблазнительными. Теперь – вызывающими. Её короткая юбка, едва ли скрывающая бедра, притягивала мужские взгляды. Заставляла фантазировать... И раньше эти фантазии мне нравились – тем более, что я легко мог превратить их в реальность. И не раз превращал. Но сегодня...

Я пытался найти в памяти имя, указанное на папке с делом, но никак не мог вспомнить, что там было написано. Оно словно ускользало из сознания.

Чёрт, да какое мне дело до этой девушки? Не она первая, не она последняя... Да, её ситуация ужасна, но сколько ещё таких дел было у моего отца? Честно говоря, я не знал, но был уверен – немало.

– Джеймс, ты сегодня какой-то скучный, – Виолетта села рядом со мной, закидывая ногу на ногу – юбка поползла ещё выше. Хотя, казалось, что выше уже некуда.

– Но тебе это не мешает веселиться. И я бы на твоём месте поправил юбку. Ты привлекаешь слишком много внимания.

– Твоего? – уточнила она, закусывая губу.

– Всего бара, – я отвернулся.

– Да что с тобой такое? – резко встала она. – Приехал в

клуб, чтобы читать морали? Я тебя не узнаю! Ты что записался в проповедники?

– Никуда я не записывался, – я тоже встал. – У меня был тяжёлый день. Идея приехать сюда была плохой. Увидимся позже, Ви.

Я оставил поцелуй на её щеке, намеренно игнорируя её надутые губы, и, схватив куртку, вышел на улицу. Мерзкий дождь! Я чертыхнулся, чувствуя, как намокают ботинки – лужа перед входом в бар оказалась чересчур глубокой.

Махнул рукой таксисту и назвал домашний адрес.

Такси ехало медленно – дождь заливал лобовое стекло, ограничивая видимость вокруг. Я смотрел в окно, наблюдая за тем, как по стеклу стекают капли дождя, убегая куда-то вниз. Моя машина осталась стоять у бара – в вопросе вождения я был принципиален и не садился за руль после употребления алкоголя. Даже если его было совсем немного. Путь домой занял больше времени, чем обычно, но отец был крайне удивлён, когда увидел меня дома.

– Ты и так рано? С ума сойти. Очевидно, дождь теперь не закончится никогда, раз ты ещё до полуночи вырвался из своей компании.

– Нет настроения общаться с друзьями, – отмахнулся я. – Из головы не выходит кое-что.

– Что именно?

– Можешь рассказать подробнее о том деле, которое тебе сегодня передали?

– Ты про надругательство над девушкой? – удивился отец моему любопытству. – Я его ещё не смотрел. Его передали из полиции, но мне нужна пострадавшая. А почему ты вдруг заинтересовался этим делом? – прищурился отец, резко прерывая свою речь.

– Да так, – тихо ответил я. – Задумался о жизни и её смысле.

– Странная реакция на мою работу, – покачал он головой. – У тебя точно всё в порядке?

– Точно. Я лучше пойду спать. Сегодня явно не мой день – не могу собраться. Отпуск плохо влияет на меня и мою продуктивность. И на всё остальное, кажется, тоже.

– Спокойной ночи, – пожелал отец. – Надеюсь, что утром ты вернёшься к привычному циничному образу.

Я хмыкнул и промолчал.

Вернусь.

Если не сведу себя с ума мыслями о той папке и о том, что произошло с той девушкой.

ГЛАВА 2. Аврора Харт

Всё вокруг было слишком белым. Потолок, стены. Простыни, халаты медсестёр. Белое и чистое.

Всё, кроме меня.

Я не могла вспомнить, как именно очутилась в больнице. Последнее, что я помнила – это сильный дождь, его холодные мокрые капли, стекающие по волосам.

А ещё шаги. Глухие тяжёлые шаги позади меня. Рука, зажимающая мне рот. И боль. Тупая невыносимая боль.

А потом – темнота. Память блокировала ненужные воспоминания, пытаюсь заменить их пустотой.

Теперь я лежала на больничной кровати. Глаза были открыты, но я не видела ничего перед собой. Только белый цвет.

– ...состояние стабильное...

– ...вкололи успокоительное...

– ...хорошо, что она жива...

– ...повезло, что тяжёлых травм нет...

Повезло?

Теперь это называется везением? Может быть, назвать это счастьем?

Я медленно повернула голову. На тумбочке стоял пластиковый стакан с водой, но дотянуться до него я не могла – ру-

ки были привязаны по бокам. Очевидно, я вела себя неспокойно, раз они пошли на крайние меры.

Рядом со стаканом – упаковка салфеток и мой телефон с разбитым экраном.

– Вы очнулись? – раздался мягкий голос. – Аврора, как вы себя чувствуете? Вы можете двигаться? Говорить?

Я кивнула, не зная, на какой именно вопрос отвечаю согласием. Возможно, на все сразу.

– Я развяжу вам руки, – продолжал врач. – Обещайте, что не навредите себе.

Снова кивок. Навредить себе? У меня не было на это никаких сил. Почувствовав, как руки становятся свободными, я подняла их, покрутив перед глазами. Под ногтями – грязь. Маникюр испорчен. На пальцах – остатки крови. Моей?

Или его? В памяти всплывают попытки его оцарапать... Попытки защититься.

И только тогда меня накрывает.

Не постепенно, не медленными волнами. А сразу. Отчаянной беспощадно.

Я вспоминаю запах его дыхания – смесь табака и дешёвого алкоголя. Вспоминаю его руки, грубо зажимающие мой рот. Вспоминаю его противный шёпот: *«Ты такая красивая и послушная... Особенно, когда молчишь»*. Я вспоминаю, как пыталась закричать, но горло сковала боль, а голос будто вырвали из него, лишая меня возможности заговорить.

Я вспоминаю, как умоляла его остановиться, как просила:

«Пожалуйста...».

И его смех. Грубый, утробный. Громкий. Надменный.

– Нет... – вырывается из меня хрипло. – Нет, пожалуйста, нет! Выключите это! Уничтожьте эти воспоминания! Пожалуйста, уберите! Остановите этот кошмар!

Я вскакиваю с кровати, но ноги подкашиваются. Врач крепко сжимает меня, пытаюсь уложить обратно.

И я снова кричу – потому что его прикосновения напоминают мне о нём. Я хватаю себя за волосы, пытаюсь вырвать их, причинить себе боль и выбить воспоминания из своей головы.

– Аврора! – громко зовёт меня медсестра. – Успокойся! Ты делаешь только хуже, – она кивает врачу, и он, крепко зажимая мои руки, вкалывает мне лекарство.

Сопротивляться становится труднее, кричать «отпустите» тоже. Я погружаюсь в спасительный сон. В нём нет боли и страха. В нём есть Джулиан. Он улыбается, но почему-то стоит далеко от меня. Не произнося ни слова, смотрит в мои глаза. В его руках кольцо – оно блестит под лучами солнца. А потом он швыряет его куда-то далеко и заливисто смеётся.

Я снова просыпаюсь в холодном поту, но уже не кричу. Просто лежу и рассматриваю потолок. В палате я одна. Тишина обволакивает, даёт надежду. Но из глаз предательски текут слёзы. Моё тело больше мне не принадлежит. Оно предало меня. Оно позволило сломаться.

Его уничтожили. И теперь я должна с этим жить.

** ** *

На следующий день я снова проснулась с болью. На этот раз болела не только душа, болело всё тело. Каждый его участок, которого касался этот мерзавец. Слез, кажется, уже не осталось. А кричать не хватало сил. Врачи проверяли моё состояние каждые полчаса, а потом, переглянувшись, сказали, что ко мне должен зайти психолог. И полицейский. Мне нужно было дать показания для возбуждения уголовного дела. А это значило лишь одно – мне снова нужно было вспоминать тот кошмар.

Почему нельзя просто забыть о том, что произошло? Закрыть глаза и открыть их уже в другом мире. В том, в котором я не была жертвой. А была собой...

В дверь палаты постучали. А спустя несколько секунд едва слышно её открыли.

В горле застрял ком, потому что на пороге стоял Джулиан. Неуверенно переминался с ноги на ногу. В руках – букет роз. В глазах – испуг. Но хуже всего то, что он стоял, не делая попыток подойти ко мне ближе.

Я боялась произнести даже слово «привет». Боялась заговорить, потому что любые слова сейчас были ненужными.

– Как ты? – тихо спросил Джулиан дрожащим голосом.

Я по-прежнему молчала. Как ответить ему на этот вопрос? Хорошо? Жива? Сломана? Что сказать человеку, ко-

торый с надеждой смотрит на тебя, надеясь, что всё это ложь? Он ещё надеялся, а я уже знала – надежд нет. Моя жизнь никогда не станет прежней.

– Я не знал, что делать, – снова попытался заговорить он. – Я звонил тебе несколько раз, но твой телефон молчал. Потом со мной связалась полиция... Аврора, они сказали, что...

Он шумно выдохнул и сделал несколько шагов вперёд, подходя ко мне ближе. Я инстинктивно отвернулась. Смотреть в его глаза было просто невыносимо.

– Это правда? – Джулиан задал этот вопрос таким тоном, которого я никогда раньше не слышала. В нём было что-то новое, но что именно я пока не могла понять. Поэтому лишь кивнула – какой смысл врать? Он и так знает, что со мной случилось.

Знает, но всё же пришёл сюда. Несмотря на то, что ему должно быть тоже больно... Слезы вновь подступили к глазам, а вместе с ними подкрадывался очередной нервный срыв.

– Аврора... – прошептал Джулиан где-то совсем рядом. Его слова буквально физически коснулись моей кожи, покрывая её мурашками. – Я люблю тебя, ты же знаешь? Но я не знаю, смогу ли...

– Сможешь что? – я резко повернулась к нему. Сердце замерло и перестало биться.

– Смогу ли я смотреть на тебя так же, как смотрел раньше. Смотреть и видеть... Вспоминать. Понимать, что с тобой

случилось...

В комнате внезапно стало холодно. К горлу подступил ледяной ком.

– Ты пришёл ко мне, чтобы сказать мне, что я теперь не та? Не та, кем была раньше?

Джулиан опустил взгляд, с интересом рассматривая больничный пол.

– Я не виню тебя. Ни в чём... Но сейчас я чувствую беспомощность. Как будто у меня отобрали то, что я так долго строил. Я не знаю, как себя вести, что говорить...

– Отобрали... У тебя? – тихо спросила я. – А точно не у меня? Джулиан, сейчас мне слишком трудно вести с тобой беседу. И тем более утешать... Но всё придёт в норму. Я люблю тебя, – кажется, мой голос звучал слишком жалобно. – И я по-прежнему хочу за тебя замуж. Хочу красивую свадьбу... Надеть платье, которое мы выбирали вместе. Хочу уехать с тобой подальше отсюда... Я хочу, чтобы всё было как раньше!

Мой голос всё же сорвался, и я закусила губу, стараясь не заплакать вновь. Не сейчас и не перед ним. Но Джулиан молчал. И его молчание было краше любого ответа.

– Я всё поняла. Уходи, – попросила я, отворачиваясь. И надеюсь, что он всё же не уйдёт. – Уходи, Джулиан. Я больше не твоя Аврора. Не та девушка, которую ты любил. И я вижу по твоим глазам, что ты не сможешь. А я должна выбраться из этого ада. И мне не нужен рядом человек, который будет

обратно меня в него заталкивать.

Он не ответил. Молча положил букет на подоконник и вышел из палаты.

Он оставил меня одну. Не задавал вопросов, не пытался помочь. Мы могли бы справиться с ним вместе. Могли бы пережить это, попробовать начать всё с нуля. Но он сделал свой выбор – уйти. Уйти и не оборачиваться. Оставить меня с моей болью, потому что теперь я не только жертва. Я грязная. И даже горячий душ не смоет с меня эту грязь.

Ничто не смоет этот позор. На мне клеймо. На всю жизнь. Вечером я позвонила Кире, лучшей подруге. Хотела услышать её голос... Убедиться в том, что жизнь снаружи продолжается. Что у меня есть поддержка извне. Но она не взяла трубку. А позже прислала короткое сообщение, что занята и не может говорить.

Мой лучший друг Пол тоже молчал.

И я сделала свои выводы – они оба знают. От Джулиана или от кого-то ещё. Но точно знают.

И они не хотели говорить со мной. Как будто я была заразна. Как будто моё горе – это болезнь, которая может перейти на них.

Но я не была заразной. Возможно, расколотой на мелкие кусочки и потерянной – да.

Но всё же я была живой. И по-прежнему хотела жить. Жить и бороться за своё право на счастье. Право, которого меня лишили без моего согласия.

Я осторожно встала с постели и подошла к зеркалу – в глазах пустота. Волосы растрёпанные, лицо бледное. За дверью – мир, который остался тем же. Со своими бедами, проблемами. Со своими счастливыми минутами.

Но внутри меня – боль, которая не отпустит. Но я должна двигаться дальше. Потому что у меня нет другого выбора.

Даже если от меня отвернётся весь мир. Даже если я останусь одна, я не исчезну.

Моё имя Аврора Харт. И я так просто не сдамся.

ГЛАВА 3. Аврора Харт

Прошло пять дней. Я вернулась домой – в свою пустую квартиру, в которой теперь не было его. Не было человека, с которым я провела несколько лет счастливой жизни. Он ушёл, положив свои ключи на прикроватный столик. Забрал все свои вещи. А взамен оставил только воспоминания. Теперь это было единственным, что у меня не мог никто отнять.

Я была вымотана – бессонные ночи, в которых появлялся человек в капюшоне, тянущий ко мне руки. Мой собственный крик, кровь на асфальте. Я пыталась выйти из дома, но возвращалась обратно, едва завидев солнечный свет. Мне казалось, что этот человек где-то рядом, что ищет меня... Ждёт. Телефон предательски молчал – никто не хотел со мной разговаривать. Никто, кроме...

В дверь квартиры позвонили, и я, перепуганная до смерти, на цыпочках подошла к двери и посмотрела в глазок. Судорожно выдохнула и распахнула дверь.

– Крис! – я едва не расплакалась, моментально оказываясь в объятиях родного брата. – Как ты здесь оказался?

– Как я здесь оказался? – спросил он недоуменно. – Ты не отвечаешь на звонки! А потом и вовсе выключаешь телефон. Я пытался связаться с твоим женихом, но он тоже не взял

трубку! Пришлось брать билет на самолёт и лететь к тебе. Ты вообще понимаешь, что я чувствовал всё это время?

Я отстранилась и жестом пригласила его войти. Крис переехал в Италию несколько лет назад – проходил практику на работе, а в итоге задержался и остался там жить. Я не видела его больше года и поразились тому, как сильно он изменился. Возмужал, будто стал выше. Его волосы выгорели под итальянским солнцем и стали практически русыми. А вот глаза остались теми же. Тёплыми, яркими и родными. Похожими на мои.

И судя по тому, как он был возмущён, он ничего не знал. Не знал о том, что произошло.

– Крис, присядь, пожалуйста, – устало попросила я. – Я должна тебе кое-что рассказать.

– Что случилось? Ты рассталась с Джулианом? Поэтому он не отвечает на звонки? Кстати... Ой! – Кристофер открыл холодильник и удивлённо бросил на меня взгляд. – Ты чем вообще питаешься? Похудела... – бегло оглядел он меня.

И в этот самый момент внутри меня опять что-то треснуло. Слезы, которые я старалась сдерживать, вновь пробились наружу. Брат испуганно посмотрел на меня и, хлопнув дверь холодильника, быстро подошёл, сжав меня в объятиях. Вот только плакать меньше я не стала. Его объятия мгновенно напомнили мне о том, чего я лишилась. О Джулиане. И о той ночи, после которой эти объятия стали невозможны. И более того – нежеланны. Я дрожала от страха да-

же в объятиях брата. Потому что он тоже был мужчиной. А мужчины теперь для меня казались монстрами, выскакивающими из темноты, чтобы причинить вред.

– Аврора, ты что? – мягко спросил он, поглаживая меня по плечам. – Я сбегаю в магазин и куплю всё необходимое. Расскажи, что случилось? Это из-за него, да? Он бросил тебя? Скажи честно! Нет такой проблемы, которую не может решить твой брат, – улыбнулся он шутливо.

– Как оказалось, есть, – я отошла на несколько шагов назад и села на стул, обхватив себя руками. Слезы по-прежнему душили меня изнутри, но я начала говорить. Механически, словно робот, повторяя одно слово за другим. Начиная, наконец, убеждаться в том, что всё это правда. Не страшный сон, после которого можно проснуться, выдохнуть и идти дальше. Всё это реальность. Та самая, в которой я подверглась насилию.

– Господи, – Крис пошатнулся и обессилено опустил на стул рядом со мной.

Я тут же обратила внимание на его руки – они дрожали. Но он не стал обнимать меня. Наверное, тоже посчитал меня грязной.

– Аврора, прости... Я не знал, я не думал, что... Чёрт возьми! Да что же за скотина попала на твоём пути! Что за зверя ты повстречала?

Я пожалала плечами, глотая слёзы. Зверя – не то слово. Человеком его назвать не поворачивался язык.

– А что Джулиан? – задал болезненный вопрос брат. – Он отправился на поиски мерзавца, чтобы придушить его собственными руками?

– Джулиан ушёл от меня, – тупо произнесла я. – Потому что я больше не такая... не та... в общем, для него я теперь испорченная и грязная. Он не справился.

– Не справился? – глухо отозвался брат, а я нервно заёрзала на стуле. Обсуждать такие вещи с Крисом казалось чем-то сюрреалистичным. Это не тот человек, перед которым я могла бы раскрыться. Он мужчина, и он не поймёт. Просто не сможет понять.

– Крис, я не виню его, – поспешно добавила я. – Он не обязан...

– Не обязан что? – прогремел голос брата. – Не обязан оставаться рядом с тобой в горе и радости? Ведь так говорят на свадьбе?

– Но у нас не было свадьбы. Мы не женаты.

– Отсутствие штампа в паспорте не отменяет того факта, что твой жених – козёл.

– Бывший жених, – автоматически поправила я, а на лице появилась лёгкая тень улыбки. Брат напомнил мне о чём-то очень важном – о том, что у меня есть семья. Пусть только в его лице, но всё же семья. А если в этом мире есть хотя бы один человек, готовый броситься на помощь, значит, ещё не всё потеряно.

– Как ты сама? – тихо спросил Крис, резко сменив тему.

– Пока не знаю, – честно призналась я. – Не могу понять, что чувствую. Первые несколько часов после того, как... В общем, я не хотела жить. А сейчас понимаю, что жизнь продолжается. Возможно, она никогда не станет прежней, но нужно пытаться двигаться вперёд.

– Ты заявляла в полицию?

– Тут без вариантов. Они приходили в больницу. Вместе с психологом и следователем. Я подписала все необходимые документы, написала заявление. Но у нас нет ни свидетелей, ни улик. Заявление они приняли, но что делать дальше – я не знаю.

– Может быть, найти хорошего юриста? Прокурора? – предложил Крис. – Нельзя же всё оставлять вот так. Нужно бороться!

– С кем? – тяжело усмехнулась я. – Я... – нервно поёжилась. – Не знаю, кто это был. Я не видела его лица. Мы будем искать иголку в стоге сена.

– Но и её можно найти, – отозвался Крис. – Я попробую тебе помочь. Хотя бы просто буду рядом, чтобы ты не чувствовала страх одиночества.

– Спасибо, – опустила я взгляд. – Спасибо, что приехал. Очень вовремя.

Брат кивнул.

– Посиди тут, я схожу за продуктами. Тебя нужно кормить. И, судя по всему, выгуливать.

На следующий день Крис снова уехал в магазин, а вернулся с огромными пакетами, в которых было столько еды и всякой мелочи, что я невольно охнула.

– Ты решил скупить всё, что было на полках?

– Я не знал, что именно тебе нужно, поэтому прошёлся по всем отделам и взял всего по чуть-чуть. А ещё я зашёл в аптеку и купил тебе успокоительное. Правда, без рецепта, мне выдали только какие-то травы, но я готов пить их вместе с тобой!

– В больнице мне выдали какие-то лекарства, – откашлялась я. – Но у меня такое ощущение, что мне уже ничего не поможет.

– Поможет. Время. И поэтому мы можем только ждать.

– Будем ждать, – покорно согласилась я, отворачиваясь к шкафу, чтобы посмотреть, что лучше надеть.

В глаза сразу же бросилась яркость моего гардероба – красный, оранжевый, зелёный. Я зажмурилась. Яркая жизнь.

Была у меня когда-то яркая жизнь. Теперь всё казалось серым. Серым и безжизненным. Ненужным. А вся одежда лишней и бесполезной.

Но хуже всего было не это... Хуже всего был белый цвет. Цвет свадебного платья, аккуратно висевшего в самом углу. Скромного, не пышного.

– Аврора... – раздался голос брата будто издалека. – Не

надо... Закрой шкаф, давай я...

Но я не слышала его. Не слышала и уже, кажется, не видела. Сквозь пелену слёз сняла платье с вешалки и разложила аккуратно на кровати перед собой. Я выбирала его с особой тщательностью – хотела, чтобы оно было красивым, но простым. Без большой юбки, в которой путались ноги. Без лишней пышности – потому что хотелось лёгкости и невесомости. А теперь хотелось уничтожить это платье так же, как уничтожили мою жизнь.

– Дай мне ножницы.

Странно, но брат не стал возражать, а уже через секунду вложил в мою руку холодный металл. Ножницы дрожали вместе с руками, но я всё же сделала это. Разрезала платье на мелкие кусочки. Разорвала в клочья, не оставляя ему ни единого шанса на спасение. Так же, как разорвали в клочья мою душу.

Сидя в облаке кусков белой ткани, я чувствовала слабое, но всё же облегчение. Я не могла исправить прошлое, но входить в будущее с багажом тягостных воспоминаний было ещё хуже. Ещё неделю назад у меня был жених, счастье и любовь. Любовь ли это? Может ли любимый человек предать в самую трудную минуту твоей жизни? Даже не попытавшись пережить горе, душашщее изнутри не только его.

– Аврора, телефон звонит. Ответишь?

Отвечу.

– Алло, – отозвалась я глухо, нажимая зелёную кнопку.

– Аврора Харт?

– Да, это я, – осторожно ответила. – А вы?..

– Меня зовут Дэниел Ривз. Я прокурор округа Саффолк. Майкл Риверсон, следователь, передал мне информацию о случившемся. Моя задача – курировать расследование по вашему делу и, в том случае, если мы выйдем на подозреваемого, вести дело в суде. Для того, чтобы я смог вам помочь, мне нужно задать вам несколько вопросов.

– Конечно, – запинаясь, произнесла я. – Я понимаю.

– По телефону обсуждать такие моменты будет не слишком этично, поэтому давайте встретимся лично. Я пришлю вам адрес. В ближайшие дни я провожу консультации в нашей удалённой приёмной для потерпевших. Это безопасное помещение, утверждённое офисом прокурора специально для деликатных случаев. Вы сможете подъехать?

Я поёжилась. Ехать куда-то, где нет привычных вывесок и полицейских машин... Одной?..

– Я могу приехать с братом? – выдавила я, чувствуя себя неловко.

– Вы можете взять с собой даже охрану, – твёрдым голосом произнёс он. – Я понимаю ваши страхи и сделаю всё возможное, чтобы не стать причиной новых. На встрече в обязательном порядке будет присутствовать сертифицированный виктим-адвокат (*это адвокат по правам жертвы – прим. автора*). Само помещение оборудовано по всем стандартам конфиденциальности: звукоизоляция, отдельный вход, си-

стема безопасности. Это официальная практика Массачусетса для случаев, когда потерпевшим тяжело приезжать в основной офис. Вам совершенно не о чем беспокоиться. Я пришлю форму согласия, которую нужно будет заполнить перед встречей, и точный адрес.

– Спасибо, – тихо выдавила я, чувствуя, как от количества выданной им информации начинает кружиться голова. – Тогда я буду ждать ваше сообщение.

Звонок отключился, и я посмотрела на Криса с мольбой.

– Звонил прокурор. Назначил встречу. Сможешь проводить меня к нему? Я боюсь идти одна. Несмотря на то, что он сказал о безопасности... Хотя я толком ничего не поняла, а одной мне всё равно слишком страшно.

– Ты ещё спрашиваешь! Конечно. Могла бы обойтись и без таких вопросов.

Я благодарно улыбнулась.

Страх выйти на люди никуда не исчез. Опасность теперь мерещилась повсюду, но, чтобы избавиться от этого, нужно сделать шаг. И я отчётливо понимала, что кроме меня, этот шаг не сделает никто.

ГЛАВА 4. Джеймс Ривз

Долгожданный отпуск подходил к концу, а это означало лишь одно: скоро придётся вернуться к бесконечной череде дел и работе, которая поглощала всё моё свободное время. Отец, хоть и ворчал на меня и советовал поскорее заняться своей личной жизнью, в глубине души осознавал – я настолько погряз в чужих жизнях, что совершенно забыл о том, что у меня есть своя. И о том, каково это – всерьёз кому-то довериться.

Я мог оттягиваться с друзьями в клубе, мог весело проводить время, но каждый, кто находился рядом со мной, вызывал подозрения. И не потому что я был параноиком, а потому что знал – за любой улыбкой может скрываться гниль.

Виолетта была той самой девушкой, с которой я мог находиться рядом без каких-либо обязательств. Возможно, это было слишком неправильно и слишком аморально, но она никогда не жаловалась, а я никогда не лгал. Я брал то, что мне нужно, не давая ничего взамен. Ни надежд, ни обещаний, ни будущего.

Но вчера в клубе... Что именно произошло – я не знал. Виолетта внезапно стала мне неинтересна. Не из-за неё и её пустых фраз. А потому что мысли улетучивались, возвращаясь к той самой папке, которую Алекс оставил моему отцу.

Почему дело, которое ему передали, так прочно засело в моей голове? Почему тревожило меня и заставляло постоянно думать о той самой девушке? Я не помнил её имени – только возраст. Двадцать семь лет. И помнил причину, по которой ей была нужна помощь.

Насилие.

Никаких свидетелей и улик. Мало таких случаев? Наверное, достаточно. Я не задумывался об этом. До этого дня ни разу.

От собственных мыслей становилось слишком душно – как в тюремной камере без окон. Я схватил куртку и, накинув её поверх футболки, вышел на свежий воздух. Дождь, наконец, прекратился. Всё вокруг пахло мокрыми листьями и осенней свежестью.

Я медленно прохаживался по территории, надеясь привести свои мысли в порядок и выветрить навязчивую тревогу. Потом всё же присел за столик и достал из кармана сигареты. По привычке огляделся – отец по-прежнему не смирился с моей вредной привычкой – он каждый раз закатывал глаза, видя меня с сигаретой.

В тот самый момент, когда я сделал первую затяжку, за забором раздался шум подъезжающей машины. Странно. Отец ждёт гостей? Машина остановилась напротив ворот, заглушила двигатель. Я потушил окурок и подошёл ко входу. Открыл дверь – раньше, чем раздался звонок.

– Добрый вечер, – дрожащий голос девушки заставил ме-

ня замереть.

Она стояла на ступеньках, крепко прижимаясь к молодому человеку, будто пытаюсь спрятаться у него за спиной. Глаза – полные страха и недоверия. Скорее даже ужаса.

– Добрый вечер, – как можно мягче ответил я, не отводя от неё взгляда. – Вы кого-то ищете?

– Мы ищем Дэниела Ривза, – отозвался парень, стоящий рядом с ней и очень на неё похожий.

– Вы попали по адресу, – кивнул я, отходя назад и впуская их на территорию.

Отец часто использовал этот дом для консультаций. Офис прокурора округа арендовал его как официальное удалённое помещение для работы с потерпевшими. Здесь не было никаких личных вещей – только переговорная, комната ожидания и кабинет, соответствующий всем стандартам безопасности и юридической этики. Так что визиты сюда давно стали обычной частью его рабочего графика. А сегодня частью его рабочего графика был я – вновь помогая ему со старыми архивами дел.

– Вы можете передать ему, что пришла Аврора Харт? – неловко переминаясь с ноги на ногу, спросила девушка. – Мы договаривались с ним о встрече.

– Конечно, я ему сейчас позвоню, – кивнул я.

Развернувшись к ним спиной, я выудил телефон и набрал номер отца. Тот ответил моментально.

– Спустишь через несколько минут, предложи им чай или

кофе. И, пожалуйста, Джеймс, будь вежливым, а не как обычно.

Я хмыкнул и отключился. Обернулся и застыл как вкопанный.

Аврора была одна и смотрела на меня как загнанный зверёк. Так, словно боялась меня. Так, словно боялась всего мира. Так – будто я был для неё угрозой.

Её пальцы вцепились в край сумки так, что костяшки побелили. Дыхание – тяжёлое и рваное, будто она забыла, что можно нормально дышать. Она сделала шаг назад, а потом ещё один.

– Прошу прощения, – прошептала она. – Я подожду у машины.

– Стой – поспешно сказал я, делая шаг вперёд.

А она медленно попятилась назад, как будто я занёс руку для удара. Всё её тело напряглось, руки задрожали, а зрачки расширились.

– Не подходи ко мне! – выкрикнула она. И это прозвучало не как просьба, а как мольба. – Не подходи!

Слова повисли между нами, как удар хлыста. Я застыл как вкопанный, не зная, что сказать или сделать. Почему у неё вдруг такая реакция?

– Я не причиню тебе вреда, – медленно проговорил я, чувствуя себя идиотом. – Я всего лишь хотел предложить тебе воды или кофе.

– Не подходи, – повторила она тише. – И не трогай меня.

Пожалуйста.

– Я не собирался тебя трогать, – фыркнул я, а в голосе уже скользили раздражение и сарказм. Её паника начинала меня раздражать. – Что насчёт воды или кофе? – повторил я просьбу, по-прежнему чувствуя себя идиотом. – Или ты боишься, что я тебя отравлю?

– Мне ничего не нужно.

– Ты выглядишь так, как будто попала в логово к врагу, – напряжённо улыбнулся я. – Но я вроде как тебе не враг, я сын Дэниела Ривза. Меня зовут Джеймс, – я протянул ей руку, а она вновь отпрянула от неё, как от раскалённого угля.

Да что происходит? С каких пор меня боятся девушки? Да ещё и такие красивые. А Аврора, надо признать, действительно была красивой. Тёмные волосы, убранные в высокий хвост, подчёркивали хрупкость черт её лица – аккуратный носик, выразительные глаза...

– Ты пришла к моему отцу, – всё же попробовал я начать разговор, – значит, ты либо нуждаешься в его защите, либо хочешь устроиться к нему на работу. Но собеседования здесь он не проводит... Значит, ты пострадавшая. Я прав?

Я знал, что это звучало грубо. Жестоко и нагло. Но я должен был понять – почему она смотрит на меня как на своего врага?

Я никак не мог связать воедино то, что происходило.

– Первый вариант, – выдавила она с трудом.

– Значит, с тобой произошло что-то серьёзное. Раз отец

позвал тебя именно сюда.

– А ты что... Ты помогаешь ему? – спросила она тихо и испуганно. Но хотя бы перестала смотреть на меня, как на чудовище.

– Ой, нет, – отмахнулся я. – Скорее мешаю и навожу смуту. Если верить его словам.

И почему-то впервые не знаю, как поддержать разговор. Обычно у меня всегда был ответ на всё. Циничная шутка, саркастичное замечание. Всё, что угодно. А сейчас – ничего.

Что-то в этой девушке настораживало и пугало одновременно. Она была слишком красивой для того, чтобы вести себя так... Странно и отстранённо. А я впервые за многие годы не мог отвести взгляда от девушки. Которая не играла со мной, а дрожала от страха только от одного моего присутствия.

– Не смотри на меня так, – внезапно попросила она приглушённым голосом. – Ты меня пугаешь.

– А как я на тебя смотрю? – искренне удивился я.

– Не знаю. Лучше вообще не смотри на меня.

Я хотел огрызнуться: «*Это моя территория, и ты пришла сюда. И не мне отводить глаза*». Но не успел ничего сказать, потому что нас прервали.

– Аврора! Всё в порядке? – её брат, запыхавшись, подбежал к нам. – Прости, мне позвонили, и я...

Он выглядел ещё более испуганным, чем его сестра. *Господи, да что же им про меня наговорили? А главное – кто?*

И зачем?

– С ней всё в порядке, – холодно бросил я, уже не скрывая раздражения. – Вы пришли за помощью к моему отцу, но ведёте себя так, будто повстречали на пути настоящего преступника.

С этими словами я развернулся и ушёл. Пусть ждут. Пусть боятся. Плевать.

Называется, подышал свежим воздухом. Стало только хуже.

** ** *

Я приехал домой и, войдя в свою комнату, громко хлопнул дверью так, что задрожали стёкла. Потом резко стянул с себя одежду и залез под душ. Холодные струи резали кожу и приводили тело в тонус, но не смывали ощущения, которыми я был переполнен. Странные взгляды, разговоры...

Мой отец – прокурор. Он видит зло каждый день.

А я адвокат – тот, кто защищает тех, кого ненавидит весь мир. И чаще – тех, кто действительно виновен.

Но сегодня мне казалось, что со стороны я тоже выглядел как преступник.

Я вышел из душа, обернув полотенце вокруг бёдер, и посмотрел на себя в зеркало. Пожал плечами – ничего пугающего в моём отражении не было. Всё как обычно. Высокий, уверенный, с лёгкой усмешкой в уголках губ. Типичный зо-

лотой мальчик, не знающий проблем. Со стороны казалось именно так.

Перед глазами вновь возникал её образ, напрочь заставивший меня забыть о деле отца и о том...

Чёрт!

Чёрт, чёрт, чёрт! Я стукнул кулаком по столу. Да какой же я идиот!

Аврора Харт.

Имя. То самое имя, которое я не мог вспомнить в баре! То, которое было указано на папке! Имя девушки, с которой я только что разговаривал.

Значит, это она? Жертва насилия...

Мне стало физически больно.

Не в груди. Где-то намного глубже. Внутри. Там, где я думал, что давно всё заросло цинизмом. Я сел на край кровати, опустив голову на ладони.

В ушах звенело её: *«Не смотри на меня так... Ты меня пугаешь»*.

А я ведь даже не пытался быть добрым. Я просто был собой – самоуверенным, спокойным, привыкшим к тому, что девушки смотрят на меня с интересом, а не с ужасом. Но она...

Теперь я понял. Смотря на меня, она видела не меня. А его. Того, кто причинил ей боль. Того, кто сломал её будущее, лишил настоящего и навсегда заточил в жутком прошлом.

Никакие шутки, никакая харизма и привлекательная внешность не имеют значения, если перед тобой стоит человек, чья душа разбита на мелкие осколки. Всё это уходит на задний план.

Авроре было плевать, что я Джеймс Ривз. Что я сын прокурора. Что я не преступник.

Я мужчина.

А все мужчины опасны.

Я вновь посмотрел в зеркало и увидел там человека, который впервые за долгое время почувствовал ответственность – не перед законом, не перед клиентом. А перед человеком. И это было страшнее любого дела. Но ещё страшнее было то, что я не мог выкинуть её из головы. Как ни пытался – не мог.

ГЛАВА 5. Аврора Харт

Встреча с Джеймсом вновь напомнила мне о том, как сильно изменился мир. Мой мир. Ещё пару недель назад я бы ни за что не отреагировала на его присутствие паникой и попыткой сбежать. Да, вряд ли бы я бросилась в его объятия, будучи помолвленной, но точно не убежала бы в страхе. Сейчас же... Он меня испугал. Он был настойчивым, саркастичным... А ещё от него пахло табаком... Так же, как пахло в ту ночь от...

Нет!

Я моментально одёрнула себя. Теперь каждый мужчина казался мне преступником. В каждом чужом взгляде читалась опасность. От любого шороха я резко вздрагивала, даже несмотря на то, что брат был рядом.

– Аврора? – раздался мягкий голос. – Вы же Аврора, верно?

Я кивнула, разворачиваясь на голос.

– Меня зовут Дэниел Ривз, – представился высокий мужчина приятной внешности. Карие глаза, тёмные волосы, нетронутые сединой, и искренняя улыбка. – Пройдёмте в мой кабинет, если вы не против.

– Вдвоём? – тихо спросила я.

– Ваш брат может пока посидеть в комнате ожидания. Не

думаю, что ему стоит быть прямым участником разговора. Аврора, не бойтесь, я хочу вам помочь, а не навредить. В кабинете будет так же присутствовать координатор по правам жертв – вам совершенно не о чем беспокоиться.

– Иди, – мягко подтолкнул меня Крис. – Всё нормально.

– Хорошо, – тихо ответила я ему, чувствуя дрожь в руках.
– Только не уезжай. Подожди меня здесь. Или снаружи. Но не бросай тут.

– Без тебя не сделаю ни шага из этого дома, – улыбнулся брат.

Я последовала за Дэниелом, поражаясь тому, насколько уютным и тёплым было это помещение. Не вычурным, не кричащим офисной строгостью – скорее напоминающим тихую гостиную. Дэниел провёл меня в переговорную – просторную и светлую. Мягкое освещение, книжные стеллажи до потолка, кожаное кресло, сев в которое, я практически утонула в мягкости. Всё было продумано так, чтобы не давить строгой атмосферой, а давать ощущение защищённости. Виктим-адвокат (*координатор по правам жертв – прим. автора*) уже ждал нас в соседней комнате, как и требовал протокол.

На большом столе лежал ноутбук, папки с бумагами и две рамки. На одной – сам Дэниел с красивой женщиной – наверное, жена. На второй – Джеймс. Тот самый, кто встретил нас взглядом, от которого меня до сих пор пробирал холод.

– Вы можете обращаться ко мне по имени, Аврора, – он

сел напротив меня, по ту сторону стола. – И рассказать мне всё, что помните. Даже, если вам кажется, что это стыдно. Даже, если вам больно вспоминать. Помните – важна каждая деталь. Любая – даже то, какое дерево находилось справа, и какого цвета были на нём листья. Я знаю, что ваш организм блокирует сейчас всё, что связано с тем вечером, но нам нужно с чего-то начать.

– Можно мне воды? – прохрипела я, чувствуя, как намокают ладони.

– Конечно, – он протянул мне бутылку с водой. – Закрытая. Только ваша. Чтобы вы не переживали.

Я горько улыбнулась – неужели теперь я буду бояться даже выпить воды? И сделала большой глоток, смачивая горло.

А потом я начала говорить. Сбивчиво, немного сумбурно. Сначала обрывками, потом пытаюсь соединить картину воедино. А потом из меня просто полился поток информации. О том, как я пошла домой пешком вместо того, чтобы дожидаться Джулиана. О том, как сильно люблю дождь.

Я рассказала о том, как кричала. Как умоляла меня не трогать. Потом – остановиться. А потом просто потеряла возможность издавать любые звуки. Горло сжимали грубые ладони. Тело казалось чужим.

Потом я вспомнила смех – его смех – залиvistый, громкий. Издевательский.

Потом я лежала на холодном и мокром асфальте, чувствуя, как по лицу хлещет дождь. Вместе со слезами и грязью.

зью, стекая по щекам.

Потом – пустота.

Больница. Уход жениха, игнор от друзей.

Рассказала я и о том, что боюсь общаться с мужчинами. А единственный родственник, который у меня остался после смерти родителей, это мой брат. И он мужчина. Который не может до конца понять, что именно я чувствую.

Дэниел слушал меня, не перебивая и не делая никаких пометок у себя в бумагах.

Когда я замолчала, он какое-то время тоже не произносил ни слова, а потом встал и подошёл к окну, смотря куда-то вдаль.

– Аврора, вы ни в чём не виноваты. Ни в том, что случилось. Ни в том, что решили пойти пешком. И даже ни в том, что любите дождь. И уж точно вашей вины нет в том, что вы доверяли миру, который внезапно закрыл перед вами все двери.

Он перевёл дух, продолжив:

– Мир жесток, Аврора. И уж кому, как не мне, этого не знать. Но не все в этом мире – монстры.

Он вернулся к столу, сел и посмотрел прямо в мои глаза:

– Мы найдём его. Даже, если придётся опросить всех, кто живёт в Бостоне. Даже, если придётся выйти за его пределы. Даже, если это кажется невозможным, я помогу вам.

– Спасибо, – всхлипнув, ответила я. – Но как мы будем искать того, чьё лицо я даже не видела? Он был в куртке...

Капюшон закрывал лицо.

– Ну вот. Одна улика у нас уже есть, – мягко поднял уголки губ Дэниел. – Вы помните цвет куртки?

– Тёмно-зелёная, – отозвалась я, напрягая память. – И на ней был нарисован какой-то круг... Эмблема. Но он, скорее всего, не наденет эту куртку повторно. Ведь так?

– Пока не знаю. Но есть камеры видеонаблюдения. Как только мы запустим дело, мы имеем право запросить съёмки того дня со всех камер, которые окружали тот участок. У врачей есть ДНК преступника... – Дэниел опустил взгляд.

А мне стало не по себе, я вновь заёрзала на стуле, чувствуя себя грязной. Испорченной. И никому не нужной.

– От него пахло табаком и алкоголем, – внезапно произнесла я. – А ещё я хорошо помню его голос. Наверное, уже никогда не смогу забыть.

– Мы проработаем все варианты, – кивнул он. – Я свяжусь с полицейскими – возможно, какие-то ещё улики были обнаружены на месте преступления. Будем отталкиваться от того, что у нас есть сейчас. Со временем данных станет больше, а круг подозреваемых сузится.

– Как мы их вообще найдём? – прошептала я.

– Это задача полиции и других органов следствия. От вас нужна только информация. Поэтому, Аврора, я очень прошу вас – если вы что-то вспомните, то обязательно сообщите. Чем больше деталей – тем выше вероятность успеха.

– Хорошо, – выдавила я. – Спасибо вам.

– Пока не за что, – пожал он плечами. – Я всего лишь выполняю свою работу. И надеюсь, что помогу вам избавиться от страха, чтобы вы вновь смогли доверять этому миру.

– Вы так не похожи со своим сыном, – внезапно сказала я, и тут же об этом пожалела, прикусывая язык.

– Джеймс вам нагрубил?

– Не то, что нагрубил... Но он так странно общался... Честно говоря, он меня напугал.

– Простите его. Он вряд ли хотел вас напугать. Тем более, он не знает, что с вами произошло. Джеймс не умеет общаться по-другому с теми, кто для него ещё не стал «своим».

– Почему? – не удержалась я.

Он помолчал, а потом всё же решился:

– Когда Джеймсу было восемнадцать лет, он был влюблён в девушку по имени Лана. Настолько сильно, что хотел сделать ей предложение. В один из осенних вечеров они договорились о встрече, но Джеймс задерживался в университете. Лана поехала к нему... Но случилась авария.

– Авария? – прошептала я.

– Да. Она погибла на месте. А спустя неделю выяснилось, что водитель, сидевший за рулём, был пьян. И самое страшное – что его не наказали. Его отпустили на свободу. Его адвокат добился закрытия дела за недостатком доказательств. Всё решили деньги. Судьбу молодой девушки решила внушительная сумма денег.

Я в ужасе замерла. Вот почему Джеймс такой... Холод-

ный. Вот откуда такая реакция. Он смотрел на меня, не зная, что со мной случилось. А я заведомо видела в нём опасность, не зная, что в его прошлом тоже произошло нечто ужасное.

– Джеймс тогда учился на первом курсе юриспруденции. Хотел пойти по моим стопам и стать прокурором.

– Джеймс тоже прокурор? – удивилась я.

– Нет, – покачал он головой. – После того, что произошло, он бросил эту идею и ушёл в адвокатуру.

– Он... Адвокат? Но почему?

– Тогда он сказал мне одну фразу, которая до сих пор не выходит у меня из головы. Ведь ему было всего восемнадцать... А мыслил он намного глубже.

– Какую фразу? – кажется, мой голос стал едва слышным.

Я не понимала, почему веду беседу о человеке, которого не знаю. Почему, придя сюда за помощью, внезапно решила поговорить о ком-то ещё? Возможно, потому что я была не единственной жертвой этого жестокого мира?

– Он сказал, что если в этом мире так легко сломать чью-то жизнь, то он хочет быть там, где можно что-то изменить. Если он будет больше общаться с теми, кто совершает преступления, возможно, однажды он сможет их остановить.

Дэниел посмотрел на меня и грустно улыбнулся.

– Джеймс циничен и прячется за железной маской сарказма. Но внутри... Мне кажется, что он до сих пор восемнадцатилетний мальчик, который однажды опоздал на свидание. Он не верит в людей, не верит в героев. И в правду тоже

верит с трудом. Но, возможно, если на его пути будут попадаться такие, как ты, Аврора, он снова поверит в людей.

– Когда он увидел меня, он не знал, что со мной произошло.

– Не знал, – подтвердил он. – Но если узнает, ему будет больно.

– Не больнее, чем мне, – отозвалась я. – Каким бы ни был Джеймс в прошлом... Да не только Джеймс, а любой другой... Я не смогу доверять. Ни ему, ни кому-то другому.

– Тебе не нужно доверять Джеймсу. Тебе нужно научиться доверять себе. Но об этом слишком рано говорить. Я рассказал тебе эту историю не для того, чтобы ты задумалась о жалости к нему. А для того, чтобы ты понимала – жизнь не заканчивается кровью на асфальте. Если судьба больно ударила тебя и лишила мир красок, только ты можешь вновь вернуть всё назад. Или раскрасить этот мир заново.

Я попрощалась с Дэниелом и вышла из дома, уже не встретив по пути Джеймса. Я шла на встречу с прокурором, думая лишь о том страшном человеке, который украл мою жизнь. А сейчас задумалась о том, сколько ещё вокруг людей, чья жизнь разрушилась из-за кого-то одного?

ГЛАВА 6. Джеймс Ривз

Я дождался, когда отец вернётся домой и зайдёт к себе в кабинет. Медленно сосчитал до десяти и поднялся к нему.

– Я же могу войти? – зачем-то уточнил я, врываясь к нему без стука. Отец уже сидел за своим столом и что-то писал в своём блокноте. Не отрывая от него взгляда, он кивнул.

– Что-то случилось? – ровным голосом поинтересовался он.

– Почему ты не сказал? – в лоб спросил я, не желая ходить вокруг да около. – Почему не предупредил?

– О чём, Джеймс? – он всё же поднял на меня взгляд.

– О том, что к тебе придёт девушка, которая... – он запнулся. – Которую... В общем та, что...

– Стала жертвой преступника? – подсказал отец, не уточняя, какой именно жертвой. – А почему ты не предупредил меня о том, что влез в мои документы, нарушив этим сотню правил?

– Твои коллеги отдали мне папку, я просто бегло взглянул, что там внутри за дело. То есть... Чёрт, я не сразу смог соотнести имя и ту папку, которую взял из рук Алекса! Я разговаривал с ней так, как...

– Как обычно? – мягко улыбнулся отец. – Спрятавшись за маской сарказма и непробиваемости? Что ж, ты её напугал.

Но в то же время... – отец внезапно замолчал. – Почему тебя внезапно волнует тот факт, как ты себя вёл?

– Возможно потому, что я не был готов к встрече с такой, как она? И если бы ты сказал мне...

– То что? Джеймс, что бы изменилось? Ты бы с жалостью смотрел ей в глаза, сочувствовал ей и всячески пытался бы вести себя не так, как обычно? Я не имею права обсуждать с тобой детали её дела.

– Я бы...

Я осёкся. А действительно... Что бы я сделал?

– Джеймс, послушай... Эта девушка – жертва обстоятельств. Трагичных, жестоких и омерзительных. Но она по-прежнему человек. И не думаю, что она хочет особого внимания к себе. Скорее, она хочет стать невидимкой. Поэтому оставь её в покое.

– Всё равно. Ты мог сказать, – упрямо повторил я.

– Да? Ну что ж... Я сказал. Только ей. О том, что случилось в твоём прошлом. Я рассказал ей про Лану.

Я задохнулся от возмущения.

Меня будто ударили в солнечное сплетение, лишая возможности дышать.

– Ты... Что сделал? – я шагнул ближе. – Отец, ты не имел никакого права!

– По закону? Не имел. По этике? Тоже не имел. Но по-человечески да, имел. Я нарушил твоё доверие, – устало сказал отец. – Но сделал это для того, чтобы протянуть соломин-

ку утопающей. Она должна поверить мне, что в этом доме нет монстров, преследующих её во сне. Я использовал твою боль, но только для того, чтобы спасти её. Возможно, если не протянуть ей нить сейчас, то она замкнётся навсегда.

– Это моё прошлое! – произнёс я громко. – Только моё. Моя трагедия, мои переживания! А ты выставил это на всеобщее обозрение так, будто это не имеет никакого значения!

– Ты несколько минут назад просил меня сделать то же самое, – напомнил он. – Рассказать тебе о ней. А теперь говоришь, что твоё прошлое – только твоё? Так вот, Джеймс – её прошлое тоже принадлежит ей.

Я покачал головой, не желая понимать, о чём он говорит. Воспоминания тяжёлым грузом нависли надо мной. Искорёженная машина, безжизненное тело...

– Ты сделал это для того, чтобы она пожалела меня? Чтобы мой сарказм не показался ей грубостью?

– Я сделал это, потому что она, как и ты, потеряла всё в один вечер. И обречена жить с пустотой. Или попробовать заполнить её.

– Ты всё равно не имел права, – тихо проговорил я, опускаясь в кресло. – Никто не должен был знать... И уж тем более она.

– Тем более она? Почему тем более? Ты не знаешь её, Джеймс. Ты слышал только имя и краткую историю произошедшего. Что тебя так тревожит?

– Её глаза, – тихо произнёс я, опустив взгляд. – В них не

было жизни. В них столько боли и отчаяния. Я впервые увидел такой взгляд... И не смогу забыть его. Потому что не понимаю. Не понимаю, как один человек может сломать другому жизнь? Какое он имеет право?

– Ты не найдёшь ответов на эти вопросы, – проговорил устало отец. – И самокопание тебе не поможет. Ты не научился доверять людям за десять лет. А она спустя семь дней после трагедии уже разговаривает с посторонними. Мне кажется, ты можешь у неё чему-то поучиться.

– Только не говори, что она – мой жизненный урок.

Я встал и подошёл к двери, а в спину услышал: *«Нет. Но, вполне возможно, она твой шанс»*.

Дверь я закрыл тихо, а слово «шанс» так и вертелось в моих мыслях. Шанс на что? На то, чтобы поверить людям? На то, чтобы дать возможность поверить ей? Да я не осмелюсь даже тронуть её за руку после того, что с ней сделали!

Я достал телефон – три пропущенных от Виолетты. Несколько сообщений от друзей. Но мне не хотелось отвечать. И ехать в клуб – тоже. Лучше бы поскорее вернуться к работе. Она – единственное, что спасает от негатива, в котором я вновь собрался утонуть.

Я рухнул на кровать, уставившись в потолок, который не мог ответить на мои вопросы.

Я погрузился в свои воспоминания – о девушке, кто несколько лет назад не пришла на свидание. О той, чью жизнь оборвали так трагично. О Лане.

– Лана! – нетерпеливо ответил я на звонок. – Я же сказал, что задерживаюсь, неужели ты не можешь дождаться нашей встречи?

– Я жду тебя уже больше часа! – притворно обиженным голосом ответила она. – Тебе дороже твои друзья, чем я?

– Ты мне дороже всех на свете, – ответил я, сдерживая улыбку. – И ты прекрасно об этом знаешь! Мы ждём преподавателя по этике. Как только он вернётся, я сразу же рвану к тебе.

– Обещаешь?

– Обещаю, – эхом отозвался я. – И мы проведём этот вечер вместе. А потом прогуляемся по ночному городу и вместе встретим рассвет.

– Звучит соблазнительно, – мягко проговорила она.

– Намного соблазнительнее будет, если ты...

– Джеймс! – буркнул сидящий рядом друг. – Оставь свои слонявые мысли при себе!

Я показал ему кулак и вновь вернулся к трубке:

– Милая, я скоро буду. Обещаю. Люблю тебя.

– И я тебя люблю.

Звонок отключился, а я вернулся к своим друзьям.

– Тебе не надоело заниматься сюсюканьем? – донимал меня Майк. – Ты как будто заядлый романтик. Прижми её к стене и ...

– Майк, прекрати, – грубо осадил его я. – Это не смешно.

– Это – нет. А вот то, как ты мило беседуешь со своей

Ланой, очень даже смешно.

– Влюбишься – поймёшь, – просто ответил я. – А пока заткнись и займись своим делом.

Я отвернулся и стал отсчитывать секунды до того момента, как, наконец, выйду из здания университета и рвану к ней. Как вновь коснусь её губами...

И я вышел из университета. И даже сел в машину.

А потом раздался звонок – тот самый звонок, который перевернул мою жизнь с ног на голову. Я не помнил, как доехал до места аварии. Плохо помнил, о чём меня спрашивали. Но навсегда запомнил её глаза – стеклянные и безжизненные. Больше она никогда не скажет мне «люблю». Никогда не улыбнётся и не засмеётся искренне над моей шуткой. Да и я вряд ли захочу шутить. Как и улыбаться.

Я хорошо помнил лицо того водителя. Его выражение лица – будто он победил. Когда адвокат сказал, что улики недостаточно, я готов был выть от бессилия и отчаяния. Как же такое возможно? Как человек может лишиться жизни другого? Без наказания, без расплаты?.. Почему человек имеет право распоряжаться судьбой другого?

Я смотрел на адвоката, чьё лицо было непоколебимо – он выполнял свою работу. Безупречно. С точки зрения закона он нашёл все мыслимые и немыслимые лазейки. С точки зрения морали... Он освободил преступника. Тогда я был слишком юн и не понимал, что справедливости в этом мире нет. Что многие вопросы можно решить за деньги. Что во-

общее деньги – основа этого мира.

Что уж там рассуждать – я сам был далеко не из бедной семьи, и рос с мыслью, что в случае чего – мои родители мне помогут. Но нужны ли эти деньги, когда человека уже не вернуть? Ведь с того света не возвращаются. Можно заплатить за жизнь человека, но нельзя эту жизнь вернуть, сколько бы денег у тебя ни было.

Прошло почти десять лет с того дня. Но я постоянно вспоминал её. И так и не научился вновь доверять людям. Доверять себе, открывать своё сердце. Какой смысл привязываться к человеку, если один миг – и этого человека может не стать?

Я стал больше общаться с друзьями, ходить в клубы и бары, делать всё для того, чтобы не загружать себя мыслями. Я выбрал направление адвокатуры – для того, чтобы никогда не дать настоящим преступникам возможность освободиться от гнёта наказания.

Я хотел изменить этот мир к лучшему, но столкнувшись сегодня с Авророй... понял, что мир изменить нельзя. Можно лишь изменить к нему отношение. Раньше меня преследовали только глаза Ланы – безжизненные и стеклянные. А теперь к ним прибавились ещё одни – глаза Авроры. Потерянные, испуганные и лишённые доверия. В первую очередь к самой себе.

ГЛАВА 7. Аврора Харт

После разговора с Дэниелом единственное, что у меня осталось – это время. Время, которое шептало: жди. Просто жди, когда откроют дело. Когда начнут поиски... А пока живи, Аврора. Продолжай жить, открывать глаза вопреки всему, что с тобой произошло.

Но это было трудно. И с каждым днём становилось всё труднее. Потому что я была одна. Брат, хоть и жил со мной, не был тем, с кем я могла бы обсуждать свои переживания. Проще было молчать. Но часики тикали... И мне нужно было возвращаться к жизни, к работе. И я решилась на встречу с психологом. Её звали Элис Морган, ей было чуть больше пятидесяти лет, и её опыт работы поражал.

Поэтому, стоя перед её кабинетом, я заранее чувствовала себя неуверенно – как рассказать незнакомому человеку о том, что с тобой происходит? Как начать вспоминать то, о чём я так старательно пыталась забыть?

– Аврора Харт, вы можете заходить, – раздался мягкий голос из-за двери, и я оказалась в кабинете психолога. Светлом, уютном, открытом.

Глаза Элис были очень тёплыми, а улыбка – мягкой. В этом кабинете не судили, в нём выслушивали правду.

– Чай или кофе? – спросила она, поворачиваясь к столику.

– Отказы не принимаются! – с улыбкой добавила она. – Тёплый разговор может состояться только с тёплым напитком.

– Тогда чай, – попыталась улыбнуться я. – Спасибо.

– Могу я называть тебя просто «Аврора»?

– Конечно, – неуверенно ответила я.

– Расскажи мне о своих увлечениях. Аврора. Что ты любишь? Фильмы, книги? Может быть, театр?

Я замерла – было неожиданно услышать такой вопрос. Я думала, что она сразу начнёт задавать вопросы о той ночи. Почему она выбрала увлечения?

– Очень люблю читать, – начала я. – А ещё я люблю петь. Точнее, любила до того, как...

– Пение – больше хобби? Или же у тебя есть музыкальное образование? – она перебила меня, отвлекая от сути разговора.

– Закончила музыкальную школу. Мама настояла. Сначала я всячески сопротивлялась, а потом была ей благодарна. До сих пор благодарна, хотя не могу сказать ей этого лично.

Я опустила взгляд.

– Твоя мама умерла?

– Да, – я кивнула. – Несколько лет назад. Она долго болела, скрывала это даже от нашего отца. А когда призналась... В общем, у нас почти не оставалось времени.

– А твой отец?

– Он не пережил потерю. Сердце. В тот же год, – коротко ответила я.

– Получается, что ты одна?

– Нет, у меня есть старший брат. Он живёт в Италии, но сейчас приехал ко мне.

– Он знает о случившемся?

– Да, но без подробностей.

Разговор завязался сам собой, и я даже не заметила, как начала говорить о том, что случилось.

И в какой-то момент я поняла, что не могу остановиться. Я говорила не о том, что меня изнасиловали. А о том, что делал тот мерзавец.

Как сорвал с меня пальто. Как прижал к мокрому асфальту, разрывая на мне джинсы. Как шептал: «расслабься, тебе понравится». Как хватал за запястья, оставляя на них синяки. Как я умоляла его не продолжать. Как кричала, что сделаю всё, что угодно – только пусть он остановится.

Я рассказала о том, как лежала на мокром асфальте, понимая, что тело – больше не моё. Оно грязное, предавшее меня.

Как я каждую ночь просыпаюсь от ощущения, что рядом с кроватью кто-то стоит. Как я вижу его глаза – тёмные, равнодушные. Как вижу его руки. И часы...

– Часы? – чуть громче спросила Элис. – Это тоже улика. Ты говорила об этом следствию?

– Нет, – смутилась я. – Я только сейчас вспомнила, что на нём были часы...

– Это хорошо. Тебе больно вспоминать, я понимаю. Но

каждый наш разговор приведёт к тому, что ты сможешь избавиться от эмоций. Не сразу. Постепенно. А вместо эмоций останутся лишь факты. И именно они помогут тебе.

– Разве есть что-то, что сможет мне помочь? – спросила я едва слышно. – Я сломлена и разбита.

– Ты не сломлена, Аврора. Ты выживаешь. Борешься. В том числе сама с собой. А это уже подвиг.

Я вышла из кабинета опустошённой. Будто всю душу вернули наизнанку. Возможно, я и совершаю подвиг, вот только в моих глазах всё выглядит иначе. Я просто существую. Без шансов на нормальную жизнь. Меня бросил жених. Потому что для него я больше не была той девушкой, с которой он готов разделить свою жизнь. Смогу ли я однажды довериться кому-то? Нет. Смогу ли кому-то позволить прикоснуться ко мне, даже если этот кто-то будет любить меня всем сердцем? Ещё более решительное нет.

С этими мыслями я шла в сторону остановки, натянув капюшон чёрной куртки – дождь снова накрапывал. Только теперь я не любила его так, как прежде. Я шла, не глядя по сторонам. Остановилась лишь у дороги – светофор мигал жёлтым, а я почему-то сделала шаг вперёд, а затем ещё один.

И в этот момент я услышала резкий сигнал автомобиля и скрежет тормозов. Я вздрогнула и замерла, останавливаясь, как вкопанная, посреди дороги.

Дверь машины распахнулась.

– Ты что сошла с ума? – закричал мужчина, выскакивая

из автомобиля. – О чём ты вообще думаешь?

Я не сразу узнала его. Его голос был грубым, резким и испуганным.

Это был Джеймс.

Он резко сократил между нами расстояние и, схватив меня за плечи, оттащил меня на тротуар. Его пальцы больно впивались в меня даже через плотную ткань куртки. Я вскрикнула, зажимаясь и закрывая глаза – будто от удара.

– Не трогай меня! – закричала я. – Не трогай!

Он замер и опустил руки. Но его взгляд... Его глаза полыхали огнём. Огнём гнева.

– Ты едва не попала под машину! – его голос был грубым. – Ты вообще понимаешь, что ты делаешь? Ты же могла погибнуть!

– Да мне плевать! – закричала я в ответ. – Плевать, понимаешь? Мне всё равно, буду я жить или нет!

Он пошатнулся как от удара. Сделал шаг назад, продолжая сверлить меня взглядом.

– Ты не имеешь права так говорить, – холодно произнёс он.

– Имею, – огрызнулась я. – И это не твоё дело. Ты не знаешь, что случилось.

– На самом деле, знаю. Хотя это, действительно, не моё дело, – просто согласился он. – Но ты всё равно не имеешь права бросаться под колёса чужого автомобиля. Этим ты испортишь жизнь не только себе, но и другому человеку.

Я на мгновение замолчала. Вопрос напрашивался сам собой – откуда он знает? Но и ответ был очевидным – его отец.

Сейчас я понимала, о чём говорит Джеймс. Или о ком. Он говорил о себе... О себе в прошлом. О том, что случилось с ним и Ланой.

– Это моя проблема, – глухо произнесла я. – Я устала ждать и бояться. Думать о том, когда отступит страх. Я боюсь людей, боюсь мужчин и их взглядов. Я боюсь даже дождя!

Зачем я всё это говорила ему? Человеку, которого не знала. С которым не планировала поддерживать общение. Что он может понимать в моих переживаниях?

– И поэтому ты решила прыгнуть под колёса?

– Считай меня слабой, – огрызнулась я. – Только не лезь.

– А тебе и не нужно быть сильной. Нужно быть собой.

– Езжай по своим делам, – попросила я. – И оставь меня в покое.

– Чтобы ты прыгнула ещё кому-то под колёса? – ужаснулся он. – Ну уж нет. – Давай я провожу тебя до дома.

– Что? – мне показалось, что я ослышалась. – Ты серьёзно?

– Вполне, – пожал он плечами. – Ты боишься меня?

– Станный вопрос от человека, который настаивает на прогулке наедине и утверждает, что знает, что со мной случилось.

Джеймс покачал головой.

– Я не настаиваю. Я могу просто идти на расстоянии, но

твои мысли о том, что ты не хочешь жить, меня пугают. Будет лучше, если рядом с тобой будет человек, который умеет мыслить здраво.

– Ты слишком высокого мнения о себе, Джеймс Ривз, – спокойно произнесла я. – Можешь довести меня до дома. Но не приближайся ближе, чем на метр. Не хватай меня за руки и не говори со мной.

– Как скажешь, ледяная королева, – сверкнул он глазами. – Только помни – я не тот человек, который сделал с тобой это.

– Знаю, – я немного смягчила тон. – Но это не помогает мне не бояться. В том числе тебя. Не помогает мне не оглядываться на шаги, раздающиеся за моей спиной.

– Ты же не боишься моего отца, – пожал он плечами. – Считай, что я – это он.

– Как ты пережил свою трагедию? – вырвалось у меня. – Чёрт, прости. Не стоит об этом говорить... Я не подумала.

– Я просто продолжил жить, Аврора, – произнёс он тихо. – Но это не значит, что мне было легко.

– Ты не обязан рассказывать мне это.

– А ты не обязана меня бояться, – парировал он. – Но раз уж мы оба не обязаны друг другу, то давай просто дойдём до твоего дома без попыток покончить с собой.

Я не улыбнулась, но кивнула.

Он не приближался. Держал дистанцию, как я просила. Со стороны он выглядел так, будто был моим охранником, а

не сопровождающим.

Иногда он бросал на меня косые взгляды, будто безмолвно спрашивая: «*Всё ли в порядке?*».

Мы молчали всю дорогу, но эта тишина не давила. Я была поглощена своими мыслями. Сначала было страшно – что если он тоже один из тех? Но я понимала, что вряд ли. Он же сын прокурора. Сам связан со сферой права. И в его жизни тоже была боль.

– Спасибо, – поблагодарила я, останавливаясь у подъезда.

– Не нужно благодарности, – Джеймс стоял в метре от меня. – Просто не переходи дорогу с закрытыми глазами. Мир и так слишком жесток, не стоит помогать ему.

– Джеймс...

– Да? – он бросил на меня короткий взгляд.

– Почему ты пошёл провожать меня? Ты же знаешь, что со мной случилось? Ты же знаешь, кто я? Почему ты просто не сел в машину и не уехал?

– Потому что однажды я тоже хотел исчезнуть. Но тогда не было никого, кто бы захотел меня остановить. Может быть, сегодня я остановил тебя – и этого достаточно.

Я зашла в подъезд и поднялась на свой этаж. Заперла дверь. Проверила замки несколько раз и выдохнула. Страх не отступил, но желание жить стало возвращаться.

ГЛАВА 8. Джеймс Ривз

Несколько дней спустя

В офисе пахло кофе и бумагами, и чем-то неуловимым – горечью разочарований, которую я испытывал каждый раз, берясь за очередное дело. Мои клиенты редко бывают невинными. Чаще – это грешники. С хорошей историей и плохими поступками. Или жутким прошлым и, как следствие, неопределённым будущим.

Сегодняшний день не стал исключением – на столе бумаги. А меня уже ждал тот, кто почему-то решил, что угон машины – это единственный выход в его ситуации.

– Ты долго думал? – спросил я молодого парня.

Двадцать четыре года! Как можно быть таким идиотом? Сломать себе жизнь, не сумев договориться с родителями?

– Это было романтично, – серьёзно сказал он, и я едва не прыснул, глядя ему в глаза.

– Ты же понимаешь, что это уголовное дело?

– Любовь дороже закона, – ответил он.

Любовь. Закон. Доверие. Страх.

Слова, которые последнее время крутились в моей голове чаще, чем имена клиентов.

Потому что я думал об Авроре.

Не в романтическом ключе, не как о потенциальной девушке. Я просто не мог выбросить её из головы.

Как она стояла посреди дороги – испуганная, озлобленная и разбитая.

Как просила не трогать её. Как согласилась, чтобы я проводил её, но держа дистанцию. Будто я был заразен.

Будто я был им.

Каждый день я спрашивал отца, появились ли какие-то новые данные по её делу. И каждый раз он качал головой. Мне не нужны были подробности – ими отец не имел права делиться. Он вообще не имел права обсуждать со мной то, чем занимается. Но мне нужна была хотя бы надежда, что её дело сдвинется с мёртвой точки. Что это не будет тупиком. Меня раздражали навязчивые мысли – такого раньше не было со мной. Ещё ни разу с тех пор, как из моей жизни исчезла Лана.

А теперь я думаю о девушке, чью жизнь сломали намного жёстче, чем сломали мою.

– Мистер Ривз? Вы меня слушаете? – позвал меня парень, ожидающий моей помощи.

– Слушаю, – соврал я. – Любовь – прекрасное чувство. Но оно не спасает от тюрьмы. Будь готов к свиданиям за стеклом. Срок можно смягчить – чистосердечное признание и отсутствиеотягчающих обстоятельств.

Он чертыхнулся. Но больше ничего не сказал. А я почувствовал укол совести – может быть, стоило дать парню надежду? В конце концов, тюрьмы избежать он вполне может. Но лучше пусть не надеется на хорошее. Мало ли что. У ме-

ня пока не хватало всех материалов дела, чтобы обнадёжить его при первой же встрече.

** ** *

Первый рабочий день прошёл как-то слишком сумбурно. Я не мог толком сосредоточиться ни на одном из дел, мысли прыгали с одной на другую, и, как следствие, в шесть вечера я захлопнул крышку ноутбука и отправился в кафе на Чарльз-стрит. Я очень любил это место – если не получалось работать в офисе, то кафе было идеальным вариантом. Тихо, уютно и свободно. Я выбрал столик в углу – там меня точно никто не тронет, заказал большую чашку кофе и включил ноутбук. Открыл файл с делом Майкла – того самого угонщика машины и углубился в чтение.

Такие случаи попадались мне не часто, обычно их отдавали стажёрам – всё на поверхности, строить защиту просто, вина очевидна, а возможности спасти клиента от решётки огромны. Но я был рад, что на этот раз с этим делом дали отдохнуть именно мне.

– Ты следишь за мной? – раздался неуверенный голос, и я медленно поднял взгляд, не веря ни своим ушам, ни глазам.

– В настоящий момент, кажется, что это ты следишь за мной, – автоматически ответил я, всё ещё не понимая, что она тут делает?

– У меня была тут встреча. И о ней знал твой отец... Он

сказал тебе?

– Ты всерьёз считаешь, что мой отец делится со мной подробностями каждого своего дела? И рассказывает о том, куда и зачем пойдёт его клиент? Или клиентка, – поправил я.

– Я подумала, что...

– Присядь, пожалуйста, – попросил я, кивая на стул напротив.

– Нет, – она отшатнулась, и я разозлился.

Но на кого больше – на себя или на неё – не знал.

– Хорошо, стой, – равнодушно бросил я и уткнулся в компьютер.

Дурацкая затея – пытаться пообщаться с девушкой, чья душа разбита ещё больше, чем изранено тело. Да и зачем мне всё это нужно? Чего я хотел от неё добиться?

Аврора нерешительно переминалась с ноги на ногу. Не уходила, но и не подходила ближе. Мне казалось, что я даже слышу, как громко и тяжело она дышит. Чувствовал, как она дрожит от страха. Принимал её страх и понимал. И даже почти смирился с тем фактом, что лучше всего мне выкинуть её из головы. Ни к чему хорошему всё это не приведёт.

Почти смирился... Но она внезапно присела на край стула, стоящего напротив и позвала официанта, попросив у него чай с мятой.

– Тебе кажется, что я сумасшедшая? – внезапно спросила она.

– Нет, – покачал я головой, украдкой глядя на неё поверх

открытой крышки ноутбука. – С чего ты это взяла?

– Ты странно смотришь на меня.

– Я на всех смотрю странно. Рабочая привычка – видеть во всех преступников и задумываться о том, почему они поступают именно так.

– Я не преступница, – тихо пробормотала она.

– Ты – нет, – сказал я чуть громче. – Вот и перестань прятаться.

– Легко тебе говорить.

– Возможно, легче, чем тебе – не буду спорить. Но мне хватает своего багажа негатива за спиной. И делиться им с остальными я не имею ни малейшего желания.

Аврора нахмурилась, очевидно, не до конца понимая, что именно я имею в виду. Неловкость ситуации спас официант, который принёс чай. Аврора налила его в кружку и потянулась за сахаром. Я смотрел, как она кладёт сначала одну ложку... Потом вторую. Третью.

– Не проще было налить чай в сахарницу? – ужаснулся я.
– Это же слишком сладко!

– Думаешь, в сахарнице будет менее сладко? – она едва улыбнулась. Но её улыбка показалась мне самым искренним из того, что я видел за всю свою жизнь.

– Думаю, что есть столько сахара вредно, – серьёзно произнёс я.

– Жить, как оказалось, вообще вредно.

– С кем у тебя была встреча? – зачем-то спросил я, не

надеясь на ответ.

– С психологом, – задумчиво отозвалась она, делая глоток чая. – Она тестирует какой-то новый метод – смена локаций при разговоре. Считает, что это поможет мне вспомнить... То, что случилось в тот вечер.

– А ты...

Чёрт! Как задать ей вопрос? *«Ты что, не помнишь?»*

Как человек я понимал, что именно она имеет в виду – память заблокировала негатив. Как адвокат – был уверен, что каждая деталь должна быть озвучена. Сначала нужно вспомнить всё, чтобы потом попытаться это всё забыть.

– Я помню всё, – она опустила взгляд. – Но воспоминания туманны и расплывчаты. А они очень важны для дела. Почему ты спрашиваешь меня об этом?

Я замялся. Потому что не имел права задавать ей такие вопросы. Да что там вопросы! Я вообще не должен был с ней разговаривать, но она почему-то осталась. Хоть и говорила, что никому не доверяет, но не убежала в этот раз в страхе.

– Прости, – искренне извинился я. – Я не должен задавать такие вопросы.

– Я должна привыкнуть к тому, что люди будут спрашивать меня об этом, – пожала она плечами. – Любопытство – это нормально. Со стороны всё это кажется страшным и омерзительным, но люди любят смаковать подробности, в глубине души радуясь, что это случилось не с ними.

– Наверное, ты права. Ты часто бываешь в этом кафе? –

сменил я тему.

– Раньше бывала тут с...

Она осеклась и поморщилась. Я молчал, не решаясь задать вопрос и уточнить, с кем именно она была тут. Ответ напрашивался сам собой.

– С женихом, – продолжила она. – Мы познакомились в этом кафе, и какое-то время ходили сюда каждый день.

– А сейчас? – выдавил я из себя, почему-то чувствуя что-то похожее на укол ревности?

Кажется, я начал сходить с ума. Эта девушка – клиентка моего отца. Эта девушка пережила насилие. У неё есть жених. О какой ревности может идти речь?

– А сейчас у меня нет жениха, – просто ответила она, допивая чай. – Как и друзей нет. Я осталась одна.

– Ты не одна, – возразил я. – Возможно, сейчас ты думаешь именно так. Но... посмотри на ситуацию с другой стороны. Ты была напугана – а твои близкие напуганы ещё больше. Возможно, то, что я сейчас скажу, прозвучит эгоистично, но твои друзья боятся не меньше, чем боишься ты. Они не знают, как себя вести рядом с тобой. Сочувствовать, игнорировать произошедшее или выбрать иную тактику? Нужно время, чтобы всё встало на свои места.

– Ты хорошо разбираешься в людях? – прищурилась она.

– Я же адвокат, – пожал я плечами. – Если я не буду разбираться в людях, я потеряю работу. А твой... жених...

– Лучше не будем об этом, – угрюмо произнесла она. – Он

приехал ко мне в больницу в первый же вечер и сказал, что не может быть со мной, потому что я не такая. Чёрт, не могу поверить, что я всё это рассказываю тебе! Я же тебя даже не знаю.

– Возможно, поэтому и рассказываешь. С близкими людьми делиться переживаниями куда сложнее, чем с мало-знакомыми.

– Ты говоришь, как психолог.

– Да, мне часто так говорят.

– Тяжело защищать преступников? – внезапно спросила она.

Как ответить ей на этот вопрос? Сказать «да» будет непрофессионально. А «нет» сказать не мог. Потому что порой это действительно было слишком тяжело.

– По-разному, – туманно ответил я. – Всё зависит от дела.

– А вы с отцом... Вы обсуждаете с ними работу?

– Крайне редко. Этика не позволяет мне делиться с ним подробностями своих дел. Как и ему.

– Тогда откуда ты узнал о том, что произошло?

– Случайное стечение обстоятельств. И нарушение правил. Я залез в папку отца. Но тогда я не знал, что увижу тебя на пороге своего дома. И не сразу связал имя, указанное на папке, с той девушкой, что стояла передо мной.

– А если бы знал?

– А какая теперь разница? Важно то, что есть сейчас. Без каких-либо «бы».

– Почему ты продолжаешь со мной общаться? Почему не убегаешь?

– Потому что не я должен убегать. И не ты бояться. А те, кто творят беззаконие. И до тех пор, пока мы чувствуем вину за то, что сделали они, мир так и останется проклятым и омытым грязью.

Она посмотрела на меня, и на этот раз я не увидел в её глазах болезненного страха. Она смотрела на меня, как на... Друга? Возможно. Но точно не так, как на человека, от которого нужно держаться подальше.

И в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.